

УДК 930:94«1941/45»

А. В. Гринёв

**ОЦЕНКА БОЕВЫХ КАЧЕСТВ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ В 1941–1945 ГГ.
В НЕМЕЦКИХ МЕМУАРАХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ**

В отечественной военной историографии, особенно советского периода, неизменным мотивом является восхваление мужества и стойкости солдат Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), их героических подвигов, а также таланта советских полководцев в годы Великой Отечественной войны. Подобные оценки порождаются преимущественно патристическими и идеологическими соображениями и, безусловно, имеют под собой определенную объективную основу. Вместе с тем, порой безудержное восхваление боевых качеств собственных солдат и их командиров вряд ли может способствовать адекватной картине военного прошлого. Ведь в таком случае становится непонятным, как при всех своих позитивных возможностях Красная армия потерпела несколько крупных поражений от германского Вермахта в 1941–1942 гг., почему погибли и попали в плен миллионы советских солдат, и почему фронт откатился от западной границы СССР до Москвы, Ленинграда и Сталинграда?

Очевидно, что для более беспристрастного исторического анализа необходимо привлечение не только советских, но и германских источников, что позволит лучше понять сильные и слабые стороны Красной армии. Поэтому для раскрытия этой темы целесообразно обратиться к аналитическим обзорам и запискам высших офицеров Вермахта (большинство которых было сделано уже после завершения войны). Среди них следует отметить в первую очередь работы генерала танковых войск Ф.В. фон Меллентина (Friedrich Wilhelm von Mellenthin), офицера Германского генерального штаба Эйке Миддельдорфа (Eike Middeldorf) и генерала Люфтваффе Вальтера Швабедиссена (Walter Schwabedissen) [1, 2, 3].

Другим очень важным источником выступают военные дневники и мемуары немецких солдат, офицеров, генералов и фельдмаршалов, воевавших на Восточном фронте. Правда, следует сказать, что далеко не все из них содержат обобщающие характеристики РККА, ее рядового и командного состава. Порой авторы дневников и мемуаров ограничивались простым изложением событий в хронологическом порядке, описанием конкретных боев, указанием на число потерь и другой подобной информацией, часто подчеркивая превосходство немецких войск над противником в качественном отношении [см., например: 4, 5, 6]. Не следует забывать, что мемуаристика хотя и является важным историческим источником, однако ее использование связано с проблемой субъективного плана (преувеличение собственных заслуг и достижений и преуменьшение их у противника, замалчивание неудобных фактов и т.п.). Изредка в немецких источниках встречаются просто фантастические данные, не имеющие под собой никакой реальной основы. Так, начальник штаба Верховного командования сухопутных сил Вермахта (ОКХ, от нем. Oberkommando des Heeres) Франц Гальдер (Franz Halder)* записал 5 июля 1941 г. в своем дневнике: «Во время боев с "ордами монголов" (очевидно, личная охрана Сталина), вклинившись в тыл 6-й армии, 168-я пехотная дивизия проявила полную несостоятельность» [7, с. 86]. Тема «монголов», «азиатов» и «большевистских орд» периодически встречается и в воспоминаниях других ветеранов Восточного фронта. Так, знаменитый нацистский ас Ханс-Ульрих Рудель (Hans-Ulrich Rudel) писал о боях в Сталинграде в 1942 г.: «Две трети города уже были в руках немцев. Советы удерживали только одну треть, но защищали эту треть с упорством настоящих фанатиков. Сталинград был городом Сталина, а Сталин являлся богом для всех этих молодых киргизов, узбеков, татар и прочих разных монголов» [8, с. 89]. Вряд ли все эти измышления нуждаются хоть в каких-то комментариях.

* Здесь стоит обратить внимание на нередкое искажение в отечественной историографии немецких имен и фамилий, особенно в связи с перегласовкой звука/буквы «h» (которому соответствует русское «х» с придыханием) в немецком языке на русское «г». Соответственно, правильнее именовать генерала не Гальдер, а Хальдер, говорить не «Гитлер», а «Хитлер», а немецкое имя «Ганс» давать как «Ханс» (поскольку слово «ганс» означает в немецком «гусь»). Подобные примеры можно легко продолжить, поэтому все немецкие имена и фамилии в тексте статьи дублируются на латинице согласно немецкому правописанию во избежание возможной путаницы и искажений.

Субъективный аспект в дневниках и мемуарной литературе зависел от многих обстоятельств. Взгляд солдата на передовой и штабного генерала в глубоком тылу могли заметно различаться, а равным образом отношение к противнику убежденного в превосходстве арийской расы нациста от обычного немецкого служаки. На субъективные мнения и оценки авторов мемуаров оказывали влияние такие факторы, как происхождение, возраст, жизненный опыт, образование и т.д. И еще один немаловажный момент: характеристика боевых качеств РККА очень существенно зависела от периода военных действий: в начале войны образ противника мог быть одним, а в конце или после ее окончания уже заметно иным.

Так, еще до начала войны ее вдохновитель – Адольф Гитлер (Adolf Hitler) – был крайне невысокого мнения о боевых возможностях Красной армии, хотя и призывал к осторожности в этом вопросе. Согласно воспоминаниям немецкого генерала Курта фон Типпельскирха (Kurt von Tippelskirch), фюрер предполагал, что разгром РККА будет еще более сокрушительным, чем французской армии летом 1940 г. и что «русские вооруженные силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев, они плохо оснащены, но недооценивать их нельзя» [9, с. 73]. И первые дни блицкрига, казалось бы, подтверждали правоту Гитлера. Генерал Гюнтер Блюментритт (Günther Blumentritt), начальник штаба фельдмаршала Гюнтера фон Клюге (Günther von Kluge) в 1941 г., вспоминал: «По нашему первому впечатлению, русский солдат был стойким бойцом. Однако русские танки не отличались совершенством, а что касается авиации, то ее в это время мы почти не видели. Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои» [10, с.84]. Это отмечали и другие участники похода против СССР, а начальник ОКХ Гальдер уже спустя два дня после начала войны записал у себя в дневнике: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен» [7, с. 52]. И в дальнейшем он отмечал стойкость советских войск, сделав запись 29 июня 1941 г.: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народно-

стей (перед фронтом 6-й и 9-й армий). Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т.п. в плен сдаются лишь немногие. [...] Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо» [7, с. 66–67].

Однако упорное сопротивление советских войск имело не только позитивное значение, но, как это не выглядит парадоксальным, зачастую превращалось в недостаток. Дело в том, что стойко обороняя свои позиции, соединения РККА часто попадали в результате окружения в многочисленные «котлы», которые устраивали танковые и моторизованные дивизии противника. Командовавший III танковой группой Вермахта генерал Герман Гот (Hermann Göt) писал: «От одной заботы, которая волновала ОКХ перед войной, немецкое командование было освобождено: противник не помышлял о том, как бы ему уйти "в бескрайние русские просторы" [по примеру войны с Наполеоном 1812 г.]. Своими контратаками он останавливал наше наступление, упорным сопротивлением препятствовал охвату или сражался до последнего» [11, с. 81]. Тем не менее, во многих случаях для частей РККА было бы гораздо целесообразнее отойти на новые позиции, а не гибнуть в окружении или попадать в плен. Генерал-полковник Гот подчеркивал: «Именно упорное сопротивление, которое оказывали русские, удерживая свои позиции даже в тех случаях, когда им грозила опасность с обоих флангов, позволяло проводить подобные операции на окружение. [...] Оказывая упорное сопротивление, противник не только нес значительные потери в технике и оставлял пленных, но терял много людей во время отчаянных попыток вырваться из окружения, предпринимаемых слишком поздно» [11, с. 129].

При этом ответственность за многочисленные «котлы» лежала целиком и полностью на военном и политическом руководстве страны, а не на рядовых солдатах и командирах РККА. Одним из печальных результатов подобного «мудрого руководства» армией в 1941 г. стало, например, окружение более полумиллиона советских солдат в «Киевском котле», который военный историк А.В. Исаев охарактеризовал как «крупнейшее окружение в истории войн» [12, с. 86–209]. Известный генерал танковых войск Гейнц Гудериан (Heinz Guderian) вспоминал: «К 26 сентября закончились нашей

победой бои в районе киевского котла. Командующий 5-й армией попал к нам в плен. Я беседовал с ним и задал ему несколько вопросов: 1. Когда они заметили у себя в тылу приближение моих танков? Ответ: Приблизительно 8 сентября. 2. Почему они после этого не оставили Киев? Ответ: Мы получили приказ фронта оставить Киев и отойти на восток и уже были готовы к отходу, но затем последовал другой приказ, отменивший предыдущий и требовавший оборонять Киев до конца. Выполнение этого контрприказа и привело к уничтожению всей киевской группы русских войск. В то время мы были чрезвычайно удивлены такими действиями русского командования. Противник больше не повторял таких ошибок» [13, с. 306].

Вообще немцы в 1941 г. весьма невысоко оценивали уровень советского военного руководства. Начальник ОКХ Гальдер, в первый же день войны пометил у себя в дневнике: «Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению» [7, с. 47–48]. И первые недели боев в целом подтверждали это замечание, в частности, 3 июля Гальдер записал у себя в дневнике: «...Характер атак противника показывает, что командование противника полностью дезориентировано. Организация атак исключительно плохая. Стрелки на грузовых автомашинах и танки наступают против нашей линии обороны в развернутом строю. Следствием являются тяжелые потери противника» [7, с. 79–80].

Действительно, слепое следование приказам и страх армейского начальства нарушить спущенные сверху директивы, отсутствие инициативы и действия по шаблону вели к огромным и неоправданным потерям РККА. Так, командир IX армейского корпуса группы армий «Центр» Герман Гейер (Hermann Geyer), чье соединение стремительно продвигалось по Белоруссии летом 1941 г., писал, что «... русские демонстрировали полное отсутствие фантазии, редко меняли стратегию и редко достигали успеха» [14, с. 108, 127]. Он упоминал о бесчеловечной практике командования Красной армии, которое, совершенно не считаясь с людскими потерями, нередко организовывало бессмысленные кровопролитные атаки очень часто без должной разведки и огневой подготовки [14, с. 137]. Очевидно, таким путем некоторые советские военачальники стремились компенсировать недостатки собственных полководческих способностей за счет солдат-

ских жизней. Об этом говорят и воспоминания советских ветеранов Великой Отечественной войны [15, с. 42–46, 230–231 и др.; 16, с. 126, 131–132, 140 и др.]. Описание подобных эпизодов содержится в дневнике начальника ОКХ Гальдера за 6 июля 1941 г.: «Русская тактика наступления: трехминутный огневой налет, потом – пауза, после чего – атака пехоты с криком «ура» глубоко эшелонированными боевыми порядками (до 12 волн) без поддержки огнем тяжелого оружия, даже в тех случаях, когда атаки производятся с дальних дистанций. Отсюда невероятно большие потери русских» [7, с. 89].

Не только высшее советское командование демонстрировало невысокую компетентность в начале войны – аналогичным был уровень командиров среднего и младшего звена РККА, которые, по замечанию генерала Блюментритта, были слабо обучены и не имели боевого опыта [10, с. 73]. С ним был полностью солидарен и Гальдер: «Управление войсками в тактическом звене и уровень боевой подготовки войск – посредственные». А генерал Герман Гейер в специально изданном для своих частей документе от 16 августа 1941 г. писал: «Русский солдат не умеет использовать замечательную технику, которая имеется в его распоряжении. Мы можем видеть на примере нашего отрезка фронта, что потери убитыми и взятыми в плен у русских в 10, а то и в 20 раз больше, чем наши собственные. Поэтому каждый немецкий солдат вправе смотреть на русского сверху» [14, с. 123]. Тем не менее, он вынужден был признать: «Никто из участников нашего похода не может сомневаться в том, что русские сильны и выносливы. Однако они необразованны, и их командование никуда не годится» [14, с. 108, 123]*.

Особенно ярко эти факторы проявились в начале войны, когда в рядах Красной армии, застигнутой врасплох внезапным нападением Вермахта, царили неразбериха и смятение. В записках непосредственного участника боев на Восточном фронте унтер-офицера Готтлоба Бидермана (Gottlob Vidermann) говорится: «Начав свой поход на Советский Союз, мы очутились лицом к лицу с непредсказуемым противником, чьи поступки, сопротивление или преданность невозможно было предвидеть или даже оценить. Временами мы сталкивались с фанатическим сопротивлением

* Действительно, СССР, несмотря на масштабную индустриализацию, продолжал оставаться в значительной мере крестьянской страной. В 1939 г. только 7,7% жителей СССР имели семь и более классов образования (в Германии – 100%), а высшее – только 0,7%. Это не могло не сказаться на уровне подготовки, освоении новой техники, сознательности в принятии решений и инициативности в боевой обстановке [17, с.97].

горстки солдат, которые сражались до последнего патрона и, даже исчерпав все запасы, отказывались сдаваться в плен. Случалось, перед нами был враг, который толпами сдавался, оказывая минимальное сопротивление, причем без ясно видимой причины» [18, с. 126].

Слабая боевая устойчивость ряда соединений Красной армии в 1941 г. крылась, очевидно, в нежелании значительного числа солдат воевать за Сталина и его государство из-за жестоких репрессий, издержек коллективизации, экономического гнета, бездумных приказов командования. Г. Бидерман свидетельствовал: «Многие русские солдаты, взятые в плен в самом начале войны, выражали желание воевать бок о бок с нами против Сталина и советского правительства» [18, с. 44]. И добавлял: «В начале войны были случаи массового дезертирства из Красной армии, и многие из дезертиров шли добровольно служить в наши войска по самым различным причинам» [18, с. 130]. Особенно это было характерно для представителей неславянских национальностей и жителей Западной Украины, что отмечалось и в советских документах. Так, в Отчете военного совета 5-й армии военному совету Юго-Западного фронта о боевых действиях за 9–16 июля 1941 г. говорилось: «Приписной состав из западных областей Украины, находившийся к началу войны в частях, почти весь разбежался по домам» [19, с. 467]. И лишь спустя несколько месяцев, после того, как стали очевидны чудовищные последствия гитлеровского нашествия, вскрылись факты бесчеловечного обращения с пленными, а также после переключения советской пропаганды с коммунистических мифов на патриотическую риторику, случаи дезертирства и массовой сдачи в плен стали встречаться гораздо реже.

Успехи Вермахта в первые недели войны вскружили голову немецкому руководству. Так, 3 июля начальник ОКХ Гальдер в эйфории от побед пришел к выводу, что Германия уже победила СССР, заявив на страницах своего дневника: «... Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель» [7, с. 81].

Но на самом деле до победы Германии было еще явно далеко. Во время развернувшегося с 10 июля 1941 г. Смоленского сражения командую-

щий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок (Fedor von Bock) отметил в своем дневнике: «Нельзя отрицать, что наш основательно потрепанный оппонент добился впечатляющих успехов!» [20, с. 95]. Ему вторил Гальдер в записи от 15 июля: «Русские войска сражаются, как и прежде, с величайшим ожесточением» [7, с. 119]. Оно не снижалось и в дальнейшем. Описывая ситуацию, в которую попали его войска на плацдарме в Днепропетровске в конце августа 1941 г., командир III моторизованного корпуса генерал Эберхард фон Макензен (Eberhard von Mackensen) с сожалением констатировал, его войска не смогли добиться больших успехов из-за возраставшего с каждым днем артиллерийского огня русских, который отличался большой точностью: вскоре переправы через Днепр можно было поддерживать только по ночам: «Иногда вражеский огонь вообще прерывал любое передвижение на несколько часов» [21, с. 254].

Крайне неприятным для немцев сюрпризом было появление на поле боя новейших советских танков – среднего Т-34 и тяжелого КВ-1. Немецкие противотанковые средства с лишь большим трудом могли останавливать их атаки. Например, стрелок немецкой разведывательной бронемашины Вилли Кубек (Willi Kubik) писал в своем дневнике в начале октября 1941 г., что когда он осматривал подбитый тяжелый русский танк КВ, то смог насчитать на его броне около сотни вмятин от попаданий противотанковых снарядов, пока один из них случайно не остановил стального гиганта, успевшего уже раздавить несколько немецких противотанковых орудий [22, с. 103–104]. В это же время генерал Гудериан с тревогой отмечал: «Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить» [13, с. 316]. И далее: «На поле боя командир [4-й танковой] дивизии показал мне результаты боев 6 и 7 октября, в которых его боевая группа выполняла ответственные задачи. Подбитые с обеих сторон танки еще оставались на своих местах. Потери русских были значительно меньше наших потерь» [13, с. 319]. А вот что сообщал немецкий танковый ас Отто Кариус (Otto Carius) в своих мемуарах: «Еще одно событие ударило по нам, как тонна кирпичей: впервые появились русские танки «Т-34»! Изумление

было полным. Как могло получиться, что там, наверху, не знали о существовании этого превосходного танка? «Т-34» с его хорошей броней, идеальной формой и великолепным 76,2-мм длинноствольным орудием всех приводил в трепет, и его побаивались все немецкие танки вплоть до конца войны» [23, с. 16]. Вместе с тем, генерал-танкист Ф.В. фон Меллентин отмечал, что на эффективности использования танковых войск РККА в начальный период войны отрицательно сказывалось отсутствие боевого опыта, слабое понимание тактики использования танков и низкий уровень подготовки младших командиров [1, с. 366–367].

То же самое в полной мере относилось и к советским ВВС, понесшим очень существенные потери уже в первый день войны в результате внезапного удара Люфтваффе по советским военным аэродромам. 22 июня фельдмаршал Ф. фон Бок записал в своем дневнике: «Судя по всему, наши военно-воздушные силы имеют подавляющее превосходство над русской авиацией» [20, с. 48]. Так оно и было на самом деле, что позволило в дальнейшем громить механизированные корпуса РККА и пехотные части, прокладывая путь на Восток для сухопутных сил Вермахта. 30 июня 1941 г. Ф. фон Бок наблюдал следующую картину: «Дорога Белосток – Волковыск на всем своем протяжении являет сцены полного разгрома. Она загромождена сотнями разбитых танков, грузовиков и артиллерийских орудий всех калибров. Люфтваффе неплохо потрудились, обрабатывая отступающие колонны. Здесь противнику был нанесен тяжелый удар» [20, с. 60]. По свидетельству российских ветеранов – очевидцев и участников событий – огромные потери понесли от авиационных ударов слабо бронированные легкие танки БТ и Т-26, составлявшие основу танковых частей Красной армии того периода [24, с. 25, 38–39 и др.]. Именно подавляющее превосходство Люфтваффе в значительной мере обеспечило успехи блицкрига в первые месяцы войны.

Причины слабости боевой авиации Красной армии, заключавшиеся в заметной технической отсталости авиационного парка и слабости подготовки летного состава, зафиксированы в немецких источниках. Так, в дневнике нацистского летчика-истребителя Хайнца Кноке (Heinz Knoke), воевавшего в самом начале войны на Восточном фронте, давалась крайне пренебрежительная характеристика советских ВВС: «Русские летчики-

истребители плохо обучены. Их знания по тактике так же примитивны, как и машины, на которых они летают» [25, с. 59]. Не впечатлила немцев и советская бомбардировочная авиация. Пехотный генерал вермахта свидетельствовал: «За эти дни [22 июня – 1 июля] мы часто видели русские самолеты – порой до 20-30 одновременно. Однако они не наносили нам большого ущерба» [14, с. 75]. Танкист Ханс фон Люк (Hans von Luck) вспоминал о начале войны на Востоке: «Наше превосходство в воздухе было совершенно очевидным, причем как в количественном, так и в качественном отношении» [26, с. 110]. При появлении советских самолетов его сослуживцы не находили нужным даже искать укрытие.

Лишь изредка ситуация кардинально менялась. Например, генерал Гудериан писал об июльских боях 1941 г. дивизии СС «Рейх», которая не смогла продвинуться с рубежа Ельни и Дорогобужа из-за сильных бомбардировочных ударов русских [13, с. 244]. Стрелок бронемашин Вилли Кубек, воевавший в то время на Украине, также записал в своем дневнике 9 июля 1941 г.: «Русские бомбардировщики и истребители постоянными налетами и обстрелами существенно затрудняют наше продвижение» [22, с. 32–35]. При этом его часть понесла потери в живой силе и технике. Однако советские бомбардировщики, действуя без истребительного прикрытия, также несли исключительно большие потери от немецких истребителей Вф-109.

Анализируя действия советских ВВС в первый год войны, генерал Люфтваффе Вальтер Швабедиссен подчеркивал низкое качество советских самолетов, неудовлетворительный уровень подготовки пилотов и слабое взаимодействие с наземными войсками [3, с. 20, 23, 45–46, 56–58 и др.; см. также: 7, с. 75]. Полковник Люфтваффе Фрайхерр фон Бойст (Hans-Henning Freiherr von Beust) характеризовал среднего советского летчика следующим образом: «...Противник, совершенно не способный вести самостоятельный атакующий воздушный бой и представлявший весьма небольшую угрозу в атаке. Часто складывалось впечатление, что в отличие от немецких летчиков, советские пилоты были фаталистами, сражавшимися безо всякой надежды на успех и уверенности в своих силах, движимые своим фанатизмом или страхом перед комиссарами». Правда, фон Бойст хорошо понимал причины сложившейся ситуации: «Как можно было ожи-

дать настоящего энтузиазма в бою от летчиков со столь безнадежно устаревшими самолетами, оружием и оснащением? Как должен был вести себя в бою летчик, уступающий противнику в технической, тактической и летной подготовке, и который был деморализован огромными поражениями Советского Союза? Хорошо известно, что советские летчики часто шли в бой за своим командиром, подстраиваясь под его действия, как автоматы, безо всякого понятия о целях, маршруте и ситуации в воздухе» [3, с. 47]. Со своей стороны генерал Швабедиссен констатировал: «Советские летчики-истребители показали слабую приспособляемость к новым условиям воздушного боя, но были смелыми до безрассудства, что временами приводило к таранным атакам. Как индивидуальный боец, советский пилот часто был недостаточно уверен в себе. Сражаясь в группе, он, напротив, являлся серьезным оппонентом. Недостатки среднего советского летчика объяснялись не столько чертами характера, сколько недостатком боевого опыта и слабой подготовкой, что создавало чувство неуверенности. Действительно высококласные пилоты были редкостью, но те, что были, практически не уступали лучшим немецким летчикам-истребителям» [3, с. 87–88].

Появление на поле боя нового советского штурмовика Ил-2 доставило немало неприятностей немецким сухопутным частям. Стрелок бронемашины Вилли Кубек, сделал запись в своем дневнике 30 сентября 1941 г. о налете таких штурмовиков: «Надо сказать, русские пилоты – люди отчаянные. Без страха снижаются до бреющего и сбрасывают бомбы. Они делают несколько заходов, атакуя зенитчиков и дорогу. У нас несколько человек убиты, а русским в очередной раз удалось улизнуть» [22, с. 98]. Подполковник Люфтваффе Греффрат (Friedrich Greffrath) писал о недооценке немецким командованием как численности, так и качества советских ВВС: «Большой неожиданностью для немцев было, например, появление у русских самолета-штурмовика Ил-2. Эта машина обладала хорошей броневой защитой и потому была трудно уязвима» [27, с. 408]. Именно пилоты советских штурмовиков отличались особым мужеством и упорством в выполнении боевой задачи. Генерал Швабедиссен вынужден был подчеркнуть: «Агрессивность советских летчиков-штурмовиков также заслуживает особого упоминания. То хладнокровие, с которым они осуществляли свои атаки, было просто удивительным» [3, с. 103].

Тем не менее, в целом советские ВВС в 1941 г. еще не представляли серьезной угрозы для сухопутных войск Вермахта. Например, генерал Герман Гот, анализируя бои, развернувшиеся в этот период на Восточном фронте, писал: «... Необходимо учитывать, что авиация противника лишь время от времени нарушала проведение операций и никогда эффективно не препятствовала их развитию» [11, с. 163–164].

По мнению немцев, главным противником Люфтваффе в 1941 г. были не ВВС РККА, а советские зенитки, чей сильный и точный огонь неоднократно отмечал в своих мемуарах нацистский ас Ханс-Ульрих Рудель [8, с. 53–55, 91 и др.] (за время войны он был сбит множество раз и всегда только зенитной артиллерией). Его мнение разделяли и другие пилоты Люфтваффе. Так, командир бомбардировочного экипажа Вольфганг Дирих (Wolfgang Deirich) неоднократно писал о «плотном, точном и очень опасном огне русской зенитной артиллерии», которая наносила тяжелые потери Люфтваффе уже в первые дни немецкого вторжения: «Шестнадцать человек из летного персонала (15 полных экипажей) погибли или пропали без вести; в одной только III группе из-за повреждений были непригодны к эксплуатации или разбились и были полностью разрушены 14 самолетов – потери 50%. [...] Старые, опытные экипажи, выполнявшие много вылетов над Францией, Англией и Югославией, не возвращались. [...] К 30 июня в [бомбардировочной эскадре] KG 51 численность самолетов и экипажей сократилась до одной трети от штатной» [28, с. 97–100]. Генерал-лейтенант Швабедиссен сделал обобщающий вывод: «Немецкие командиры сходятся в одном: все они были удивлены эффективностью вражеской зенитной артиллерии, поскольку немецкое командование представляло ее устаревшей и вряд ли опасной. Они также почти единодушны и в том, что оборонительный огонь из легкого оружия, в частности огонь пехоты, был очень опасным и привел к большим потерям с немецкой стороны». И добавлял: «Советская зенитная артиллерия, равно как и другие части ПВО, часто действовала исключительно эффективно» [3, с. 49, 57].

Но зенитным огнем нельзя было остановить безудержное продвижение Вермахта на восток, и в конце года его пехотные и моторизованные подразделения уже находились на подступах к Ленинграду и Москве. Немцы были настолько уверены в скорой победе, что не озаботились снабдить зимним

обмундированием собственные войска. По данным генерала Гудериана, в сухопутных частях зимнее обмундирование было предусмотрено только для каждого пятого солдата: «...Верховное командование думало сломить военную мощь России в течение 8 – 10 недель, вызвав этим и ее политический крах. Оно было так уверено в успехе своей безумной затее, что важнейшие отрасли военной промышленности уже осенью 1941 г. были переключены на производство другой продукции [13, с. 206–207; см. также: 10, с. 92].

Отрезвление пришло лишь после серьезного поражения гитлеровских войск под Москвой зимой 1941 г. и генерал Блюментрит вынужден был признать: «Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя» [10, с. 98]. Сменивший Гальдера на посту начальника ОКХ генерал-полковник Курт Цейтцлер (Kurt Zeitzler) писал: «В 1942 г. боеспособность русских войск стала гораздо выше, а боевая подготовка их командиров лучше, чем в 1941 г.» [29, с. 160]. Его подчиненный, офицер ОКХ Эйке Миддельдорф также отмечал: «Русское командование сумело быстро оценить опыт, полученный на первом этапе войны, и усвоило особенности ведения наступательных действий немецкой армией» [2, с. 229]. А один из наиболее талантливых полководцев Гитлера фельдмаршал Эрих фон Манштейн (Erich von Manstein) вспоминал: «Следует сказать, что Советское командование действовало достаточно энергично. Для достижения своих целей оно бросало в бой части, не обращая внимания на возможные потери. Войска русских храбро сражались и иногда приносили невероятные жертвы. Правда качество русской пехоты значительно снизилось, армия не была полностью оснащена артиллерией после потерь 1941 г. Неоспоримо также, что Советское командование многому научилось с начала войны, особенно в отношении организации и использования крупных танковых соединений» [30, с. 481].

Позитивные изменения произошли не только с командованием Красной армии, но и с рядовым составом. Так, унтер-офицер Г. Бидерман отмечал явные перемены в настроении солдат РККА: «Солдаты Красной армии теперь заметно отличались от тех, каких мы встретили вначале. Менталитет русского солдата сменился от апатии и безразличия к патрио-

тизму» [18, с. 128–130]. И хотя в летний период 1942 г. Вермахт одержал немало внушительных побед на юге советско-германского фронта и смог продвинуться до Сталинграда и Восточного Кавказа, однако немецкое военное руководство понимало, что дальнейшая борьба будет стоить немалых жертв. По мнению генерал-майора Ганса Дёрра (Hans Doerr), захват Сталинграда был крайне проблематичен: «Опыт боев с русскими давал основание считать, что они будут оборонять Сталинград даже в безнадежном положении до последнего патрона». И добавлял: «Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях и боях за отдельные дома; они заняли прочную оборону» [31, с. 47, 56].

Однако Сталинградская эпопея Вермахта превзошла самые мрачные прогнозы гитлеровского генерала [см.: 32]. После окружения и пленения в Сталинграде остатков 6-й немецкой армии генерал-фельдмаршал Герд фон Руншедт (правильно: Рундштедт – Karl Rudolf Gerd von Rundstedt) вынужден был констатировать: «Итог, который немецкому командованию пришлось подвести на этом участке фронта в конце января 1943 года, был поистине ужасным. За 14 дней русского наступления группа армий «Б» была почти полностью разгромлена. 2-я армия оказалась сильно потрепанной. К тому же она потеряла во время прорыва основную массу своей боевой техники. 2-я венгерская армия была почти полностью уничтожена, из 8-й [итальянской] армии спастись удалось лишь некоторым частям корпуса альпийских стрелков» [27, с. 147]. И хотя последующий контрудар немецких дивизий нанес серьезное поражение советским войскам под Харьковом, но общая ситуация для Вермахта на южном фланге Восточного фронта не внушала большого оптимизма. Попытки немцев взять реванш за поражение под Сталинградом летом 1943 г. в боях на Курской дуге в ходе операции «Цитадель» не увенчались успехом. Унтер-офицер моторизованной дивизии СС «Великая Германия» Ханс Рефельд (Hans Heinz Rehfeld) вспоминал: «Мы не доверяли своим ушам, однако приходилось признать, что вермахт провалил операцию «Цитадель». И не мог больше наступать – это был печальный вывод. Потеря в танках и личном составе была огромной» [33, с. 8].

В целом ситуация для Германии в конце 1943 г. складывалась неутешительная, как отмечал уже после войны фельдмаршал Г. фон Рун-

штедт: «Последняя попытка немцев захватить еще раз инициативу на Востоке в свои руки поразительно быстро провалилась в районе Курска. В последующих наступательных операциях летом и осенью русская армия продемонстрировала свои высокие боевые качества и показала, что она располагает не только значительными людскими резервами, но и прекрасной военной техникой» [27, с. 178–179]. В частности, резко возросла мощь советской артиллерии. Ф.В. фон Меллентин писал: «В ходе войны русские совершенствовались и развивали тактику артиллерии в наступлении. Их артиллерийская подготовка превратилась в подлинный шквал разрушительного огня» [1, с. 364]. Очевидец, попавший под такой огонь на Курской дуге, упоминал, что некоторые его товарищи просто сходили с ума во время многочасовой артиллерийской канонады [34, с. 230–232]. Немец-артиллерист, сражавшийся под Прохоровкой летом 1943 г., свидетельствовал: «Признаюсь, такого безграничного страха я не испытывал никогда, казалось, что вот еще немного, и тебя накроет очередным снарядом. Создавалось впечатление, что Красная Армия только и ждала нашего наступления, чтобы продемонстрировать нам свою безграничную мощь и тем самым обозначить коренной перелом в ходе этой войны. Какое-то время спустя поступило распоряжение: «К орудиям! Открыть ответный огонь!» Но все мы были в таком состоянии, что об ответном огне и речи быть не могло» [35, с. 21]. По воспоминаниям немецкого пулеметчика, воевавшего на Сивявинских высотах в августе 1943 г., артиллерия Красной армии наносила особенно большой урон оборонявшимся немецким частям: «Часами русские вели ураганный огонь из артиллерии по позициям наших пехотинцев. Все роты постоянно несли огромные потери личного состава» [35, с. 164].

Помимо насыщения артиллерийскими системами частей и соединений РККА, в 1943 г. на вооружение советских танковых бригад поступило множество боевых машин, обеспечив явный количественный перевес над танковыми дивизиями Вермахта. Последний, правда, получил в 1943 г. несколько сот новейших тяжелых танков «Тигр» и «Пантера», превосходивших Т-34 по целому ряду параметров. Танкист-эсэсовец Вилли Фей сообщал, что снаряды 76-мм пушки старой модели Т-34 на расстоянии 500 м не могли пробить броню его «Тигра», хотя русские танкисты стреляли метко [36, с. 31]. Тем не менее, советские танки оставались опасным противни-

ком и, обобщая мнение других ветеранов-танкистов, наводчик танкового орудия Клаус Штикельмайер (Klaus Stickelmayer) писал: «Многие из них – особенно те, кто столкнулся, часто один на один, с Иванами, как называли всех советских, на Т-34, – благодарили господу, что долгие годы советская танковая оптика была отчетливо ниже качеством, чем немецкая» [37, с. 61].

Относительно немногочисленные тяжелые танки Вермахта не могли остановить лавину Т-34, которых командование РККА бросало в прорывы немецкой обороны, организуя большие и малые «котлы». Попытки Гитлера, взявшего на себя функции главнокомандующего еще в декабре 1941 г., задержать советское наступление путем организации обороны «до последнего патрона» приводило лишь к увеличению потерь. Не без сарказма Готтлоб Бидерман отмечал: «Советы переняли тактику вермахта, а те преимущества, что были свойственны нашей военной системе, стали эффективно использоваться Красной армией. В противоположность этому, вожди в Берлине приносили огромное количество солдат в жертву все той же политике «держаться любой ценой», которая почти уничтожила Красную армию в 1941 г. Соперники поменялись местами» [18, с. 128].

В успехах Красной армии большую роль стала играть боевая авиация, едва не похороненная немецкими аналитиками еще в первый год войны. «В июне и июле 1941 года русская авиация понесла огромные потери и была доведена до такого состояния, что, казалось, ей уже никогда не удастся вновь обрести свою силу, – писал Ф.В. фон Меллентин. – Однако за этим неожиданно последовало возрождение такого масштаба, какое возможно лишь при наличии неисчерпаемых ресурсов огромной страны» [1, с. 369]. И хотя в 1942 г. ВВС РККА еще уступали Люфтваффе, но там, где советская авиация имела абсолютное превосходство в воздухе, ее удары были весьма чувствительны для врага. Фельдмаршал Эрих фон Манштейн вспоминал о боях в Крыму в 1942 г.: «Дело доходило до того, что зенитные батареи не решались уже открывать огонь, чтобы не быть сразу подавленными воздушными налетами» [30, с. 231]. Заметный урон немцам наносили иногда даже легкие ночные бомбардировщики-бипланы У-2. Правда, штабной генерал Швабедиссен невысоко оценивал их боевые возможности: «Беспокоящие ночные налеты советских бомбардировщиков оказывали значительное психологическое воздействие на немецкие войска,

однако реальные результаты таких налетов были незначительны» [3, с. 120]. Совершенно иного мнения были фронтовики [33, с. 14–15; 23, 164 и др. работы]. Более того, 4 ноября 1942 г. одна из бомб, сброшенных У-2, попала в топливный склад на аэродроме в окрестностях Армавира. Начавшийся сильный пожар быстро перекинулся стоявшие рядом немецкие бомбардировщики, заправленные горючим и бомбами. В результате пожара и детонации боеприпасов из более чем сотни бомбардировщиков Ju-88 и He-111 уцелел лишь один [28, с. 128].

Боевая мощь советских ВВС еще более усилилась в 1943 г. В авиачасти стали поступать в больших количествах современные типы истребителей и бомбардировщиков, улучшилась подготовка пилотов. Генерал Швабедиссен писал: «К осени 1943 г. в воздухе был достигнут баланс сил: численное превосходство советской авиации компенсировалось качественным преимуществом Люфтваффе. С этого момента немцы могли обеспечивать только локальное господство в воздухе за счет концентрации своих сил в течение ограниченного периода времени» [3, с. 136–137; 27, с. 422]. Там, где такой концентрации не было, а наблюдалась обратная картина, положение немецких войск было незавидным. Танкист Отто Кариус, воевавший в июне 1943 г. на северном участке советско-германского фронта, свидетельствовал: «Иваны обрушили на нас тучи истребителей, к чему мы не привыкли. Кружась вокруг и подражая нашим пикирующим бомбардировщикам «Штука» [Ju-87], они уничтожали все. Отдельные фрагменты раскромсанных тел людей и животных, разбитой техники валялись на шоссе. Это была картина, подобную которой я видел только в 1945 году вдоль дорог на западе, по которым проходили отступающие [от американцев немецкие] войска» [23, с. 35]. Немецкий артиллерист, сражавшийся в июле 1943 г. на Курской дуге, также вспоминал об ударах советских ВВС: «Полк понес страшные потери – до 50% живой силы и техники. Сильнее всего донимали шедшие на брющем штурмовики. Они всегда появлялись внезапно и нещадно косили нас из пулеметов» [35, с. 22]. По словам Ф.В. фон Меллентина, «... начиная с лета 1943 года самолеты русских висели с утра до вечера над полем боя. Хорошо бронированные штурмовики русских атаковали главным образом на брющем полете, и летчики-штурмовики проявляли при этом большую смелость и мужество.

Ночные бомбардировщики действовали, как правило, в одиночку, стремясь, видимо, прежде всего помешать ночному отдыху наших частей. Организация взаимодействия между авиацией и наземными войсками непрерывно улучшалась; в то же время качественное превосходство немецкой авиации постепенно исчезало» [1, с. 370].

Наряду с авиацией нарастала и мощь Красной армии в целом. Обычно атаки по прорыву немецких оборонительных линий начинались с массированного удара советских пехотных дивизий. Генерал Ф.В. фон Меллентин делился своими впечатлениями: «Русские дивизии, имевшие очень многочисленный состав, наступали, как правило, на узком фронте. Местность перед фронтом обороняющихся в мгновение ока вдруг заполнялась русскими. Они появлялись словно из-под земли, и, казалось, невозможно сдержать надвигающуюся лавину. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполнялись; одна за другой катились волны пехоты, и, лишь когда людские резервы иссякали, они могли откатиться назад. Но часто они не отступали, а неудержимо устремлялись вперед. Отражение такого рода атаки зависит не столько от наличия техники, сколько оттого, выдержат ли нервы. Лишь закаленные в боях солдаты были в состоянии преодолеть страх, который охватывал каждого» [1, с. 359–360].

Действенную помощь советской пехоте оказывала артиллерия. Танкист Отто Кариус вспоминал о боях в марте 1944 г. и о сокрушительном воздействии советской артиллерии: «Только Иваны могли устроить подобный огневой вал. Даже американцы, с которыми я позднее познакомился на западе, не могли с ними сравняться. Русские вели многослойный огонь из всех видов оружия, от беспрерывно паливших легких минометов до тяжелой артиллерии. [...] Весь участок 61-й пехотной дивизии был накрыт таким огневым валом, что мы подумали, что на нас обрушился ад» [23, с. 104–105]. «Такой сосредоточенный огонь, – писал впоследствии Ф.В. фон Меллентин, – быстро разрушал немецкие позиции, не имевшие большой глубины. Как бы тщательно ни были укрыты пулеметы, минометы и особенно противотанковые орудия, они вскоре уничтожались противником. [...] Во время войны Красная Армия применяла больше тяжелых орудий, чем армия любой другой воюющей страны» [1, с. 362–365].

От артиллерии не отставали и танковые соединения РККА, получившие в 1944 г. усовершенствованные танки Т-34-85 и тяжелые ИС-2, которые могли успешно бороться с немецкими «Тиграми» и «Пантерами». По признанию генерала Ф.В. фон Меллентина, к 1944 г. танковые войска СССР стали самым грозным наступательным оружием 2-й Мировой войны, а танкисты Красной Армии закалились в горниле войны, их мастерство неизмеримо выросло [1, с. 365–367].

К этому времени превосходство в воздухе окончательно и бесповоротно перешло к ВВС РККА. «Противодействие советских истребителей начиная с лета 1944 г. настолько усилилось, что сделало невозможным успешное применение устаревших немецких бомбардировщиков типа He 111 и Ju 88 в дневное время суток», – констатировал генерал Швабедиссен и добавлял: «При этом советские летчики вели себя чрезвычайно агрессивно и более умело, чем в предыдущие годы, демонстрируя хорошую летную и тактическую подготовку. В таких воздушных боях, которые часто переходили в головокружительные схватки над самыми верхушками деревьев, советские летчики действовали беспощадно, атаковали немецкие самолеты со всех сторон и были неутомимы в преследовании» [3, с. 274, 276].

Вообще 1944 г. стал поистине роковым для Вермахта, когда в результате грандиозного летнего наступления Красной Армии фактически перестала существовать вся группа армий «Центр», располагавшаяся на территории Белоруссии [см.: 38]. Современный немецкий историк, приводя в своей работе многочисленные свидетельства очевидцев поражения Вермахта в 1944 г., обобщил результат следующим образом: «Наряду с чудовищными потерями в людях группа армий «Центр» потеряла все вооружение. Ее полный разгром стал крупнейшей военной катастрофой в истории немецких войск и вообще крупнейшей в немецкой военной истории» [39, с. 266]. Фактически Красная армия преподала Вермахту урок блицкрига там, где последний столь эффективно использовал его в 1941 г.

Успешное летнее наступление РККА в 1944 г. стало во многом заслугой советских генералов и маршалов, кардинально отточивших свое военное мастерство. По мнению генерала Ф.В. фон Меллентина, «...в ходе войны русские постоянно совершенствовались, а их высшие командиры и штабы получали много полезного, изучая опыт боевых действий своих

войск и немецкой армии, они научились быстро реагировать на всякие изменения обстановки, действовать энергично и решительно. Безусловно, в лице Жукова, Конева, Ватутина и Василевского Россия имела высокоодаренных командующих армиями и фронтами» [3, с. 358]. Генерал-полковник Гейнц Гудериан обобщил свои мысли по этому поводу следующим образом: «Во Второй мировой войне стало очевидным, что и советское верховное командование обладает высокими способностями в области стратегии» [40, с. 133]. Какой красноречивый контраст с оценками военного руководства РККА начального периода войны! Ее логическим концом стал май 1945 г., когда Красная армия поставила жирную точку на существовании когда-то непобедимого Вермахта и «тысячелетнего» Рейха.

После завершения войны настал черед ее осмысления побежденной стороной. Генерал Гюнтер Блюментрит писал: «Первые роковые решения были приняты немецким командованием в России. С политической точки зрения самым главным роковым решением было решение напасть на эту страну. Теперь нам пришлось вести войну с более сильным противником, чем тот, с которым мы встречались до сих пор. На бескрайних просторах Востока нельзя было рассчитывать на легкие победы. Многие из наших руководителей сильно недооценили нового противника. Это произошло отчасти потому, что они не знали ни русского народа, ни тем более русского солдата. Некоторые наши военачальники в течение всей первой мировой войны находились на Западном фронте и никогда не воевали на Востоке, поэтому они не имели ни малейшего представления о географических условиях России и стойкости русского солдата, но в то же время игнорировали неоднократные предостережения видных военных специалистов по России» [10, с. 64]. О недооценке возможностей РККА и советского народа писали и другие немецкие генералы и фельдмаршалы [11, с. 163; 13, с. 355–356; 20, с. 275–276 и др. работы]. Соответственно, были переоценены собственные силы и возможности Вермахта и Германии с самыми печальными для них последствиями.

Успехи Красной армии, по мнению немецких военных аналитиков, крылись в специфике российского солдата. Так, генерал Блюментрит полагал, что она определялась близостью русского человека к природе и заключалась в особенностях его жизни и мировоззрения: «Житель Востока

многим отличается от жителя Запада. Он лучше переносит лишения, и эта покорность подает одинаково невозмутимое отношение как к жизни, к смерти. Его образ жизни очень прост, даже примитивен по сравнению с нашими стандартами. Жители Востока придают мало значения тому, что они едят и во что одеваются. Просто удивительно, как долго могут они существовать на том, что для европейца означало бы голодную смерть. Русский близок к природе. Жара и холод почти не действуют на него. Зимой он защищает себя от сильной стужи всем, что только попадает под руку. Он мастер на выдумку. Чтобы обогреться, он не нуждается в сложных сооружениях и оборудовании. Крепкие и здоровые русские женщины работают так же, как мужчины. Близкое общение с природой позволяет русским свободно передвигаться ночью в туман, через леса и болота. Они не боятся темноты, бесконечных лесов и холода. Им не в диковинку зимы, когда температура падает до минус 45°С. Сибиряк, которого частично или даже полностью можно считать азиатом, еще выносливее, еще сильнее и обладает значительно большей сопротивляемостью, чем его европейский соотечественник» [10, с. 71–72].

Аналогичного мнения придерживался и генерал Ф.В. фон Меллентин, который считал положительными качествами русского солдата стойкость, отвагу и патриотизм, терпеливость и выносливость. По его мнению, благодаря исторической близости к земле и к природе, русская пехота (как и танковые войска) оказалась наиболее эффективным видом войск по сравнению с авиацией и морским флотом. В то же время он отмечал одну из тактических ошибок Красной Армии, которая состояла в «почти суеверном убеждении в важности овладения возвышенностями», следствием чего являлись большие неоправданные потери [1, с. 361]. Меллентин также указывал на недостаточное взаимодействие различных родов советских войск на поле боя, и часто наблюдаемый недостаток инициативы у рядового состава с приверженностью к коллективным, а не индивидуальным действиям: «Никогда нельзя заранее сказать, что предпримет русский: как правило, он шарахается из одной крайности в другую. Его натура так же необычна и сложна, как и сама эта огромная и непонятная страна. Трудно представить себе границы его терпения и выносливости, он необычайно смел и отважен и тем не менее временами проявляет трусость. Бывали случаи, когда рус-

ские части, самоотверженно отразившие все атаки немцев, неожиданно бежали перед небольшими штурмовыми группами. Иногда пехотные батальоны русских приходили в замешательство после первых же выстрелов, а на другой день те же подразделения дрались с фанатичной стойкостью. [...] Русский солдат с пренебрежением относится к общепризнанным тактическим принципам, но в то же время старается полностью следовать букве уставов. Возможно, все это объясняется тем, что он не мыслит самостоятельно и не контролирует своих действий, а поступает в зависимости от своего настроения, совершенно непонятного для жителя Запада. Его индивидуальность непрочна, она легко растворяется в массе; иное дело терпеливость и выносливость – черты характера, складывавшиеся в течение многих веков страданий и лишений. Благодаря природной силе этих качеств русские стоят во многих отношениях выше более сознательного солдата Запада, который может компенсировать свои недостатки лишь более высоким уровнем умственного и духовного развития» [1, с. 355–356]. Тем не менее, общий вывод Ф.В. фон Меллентина звучал так: «Несмотря на эти недостатки, русский в целом, безусловно, отличный солдат и при искусном руководстве является опасным противником» [1, с. 358].

Этот же мотив – неприхотливость, выносливость и твердость духа советского солдата – проходит красной нитью и в записках других немецких военных. Генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан обобщил свои наблюдения следующим образом: «Русский солдат всегда отличался особым упорством, твердостью характера и большой неприхотливостью. [...] Русским генералам и солдатам свойственно послушание. Они не теряли присутствие духа даже в труднейшей обстановке 1941 года. Об их упорстве говорит история всех войн» [40, с. 133]. Это подтверждал и унтер-офицер Г. Бидерман, воевавший все четыре года на Восточном фронте: «Русский солдат проявил себя крайне трудным противником, который, если правильно мотивирован, может вынести самые тяжелые условия. [...] Вооруженный автоматом с объемистым магазином, одетый в форму, отвечающую местности, и живущий на скудной диете из того, что было под рукой, русский солдат проявил себя самым умелым противником» [18, с. 128–130].

По мнению Эйке Миддельдорфа, особенно успешно действовали русские войска в обороне: «Хотя русские уставы и характеризуют наступ-

ление как основной вид боевых действий, все же наиболее сильной стороной русской армии, пожалуй, следует признать оборону. Одна из причин этого заложена в самом национальном характере русских. Способность русского солдата все перетерпеть, все вынести и умереть в своей стрелковой ячейке является важной предпосылкой для упорной и ожесточенной обороны. Она дополняется сильной связью русского солдата с природой, что позволяет ему в обороне мастерски оборудовать свои позиции и прекрасно маскироваться» [2, с. 202].

Абсолютно все немецкие военные, от рядового до генерала считали русского солдата непревзойденным мастером маскировки и полевой фортификации. Уже в июле 1941 г. начальник ОКХ Гальдер записал в своем дневнике, что у противника превосходная маскировка [7, с. 103]. Танкист Отто Кариус свидетельствовал: «Каждый вечер они строили что-нибудь новое, прямо как кроты. Без сомнения, русские превосходили нас в строительстве полевых инженерных сооружений» [23, с. 92]. Генерал Ф.В. фон Меллентин также отмечал это свойство: «Солдат русской армии – непревзойденный мастер маскировки и самоокапывания, а также полевой фортификации. Он зарывается в землю с невероятной быстротой и так умело приспособливается к местности, что его почти невозможно обнаружить. Русский солдат, умело окопавшийся и хорошо замаскированный, крепко держится за "матушку-землю" и поэтому вдвойне опасен как противник. Часто даже долгое и внимательное наблюдение оказывается безрезультатным – позиции русских не удается обнаружить» [1, с. 357].

Особенно успешно действовали советские солдаты в лесной местности и в ночное время суток. Эйке Миддельдоф подчеркивал это в своем обобщающем труде: «Русские являются мастерами умелого использования местности ночью, в том числе и в тех случаях, когда она даже днем считается непроходимой» [2, с. 346–347]. Немецкий пулеметчик Хельмут Нойбуш (Helmut Neubusch), сражавшийся в районе «Демянского котла» в 1942 г., свидетельствовал: «Русские были мастерами ночного боя, они без конца бросались в контратаки на наши отсечные позиции» [35, с. 146].

Другой особенностью ведения боя советскими войсками был широкое применение метода «просачивания», который заключался в том, чтобы незаметно проникнуть в расположение войск противника мелкими груп-

пами или быстро прорваться на более слабых участках оборонительной полосы и затем атаковать с тыла. Все тот же Ф.В. фон Меллентин, анализируя результаты боев на Восточном фронте, писал, что «русские подлинные мастера просачивания – формы боевых действий, в которой они не имеют себе равных» [1, с. 360].

Перечисляя положительные и отрицательные качества русского солдата, авторы аналитических трудов почему-то почти не упоминают такую черту, свойственную многим русским, как беспечность и неосторожность. Лишь В. Швабедиссен отметил это качество в своем анализе действий советских ВВС: «... Часто характерная для русских беспечность позволяла немецкой авиации, вплоть до самого конца войны, добиваться хороших результатов при атаках аэродромов, заполненных советскими самолетами» [3, с. 325]. А вот авторы мемуаров, вспоминая бои, нередко указывают на легкомыслие (если не сказать сильнее) советских командиров, которые забывали выставить боевое охранение и организовать разведку, что нередко вело к фатальным последствиям, особенно во время внезапных танковых атак немцев [23, с. 201–202; 37, с. 90, 194–195].

Но едва ли не главным недостатком советских бойцов, по мнению ряда немецких аналитиков, являлся дефицит самостоятельности, инициативности, стремление слепо следовать уставам, что вело к шаблонности и особенно отрицательно сказывалось на действиях в бою младших командиров [1, с. 358]. Наиболее заметно это проявлялось в воздушных сражениях истребительной авиации, что было подмечено В. Швабедиссеном: «Нельзя забывать и о том, что русский менталитет, воспитание, специфические черты характера и образование не способствовали развитию у советского летчика индивидуальных бойцовских качеств, крайне необходимых в воздушном бою. Примитивное, а часто и тупое следование концепции группового боя делали его безынициативным в индивидуальной поединке и, как следствие, менее агрессивным и настойчивым истребителем, чем его немецкие оппоненты. Подавление индивидуальности в угоду коллективной сплоченности групповых схваток, которые подразумевали некую общественную храбрость и упорство, несомненно вело к потере свойственной летчикам-истребителям инициативы. У человека, привыкшего действовать и думать как все, отсутствует гибкость ума, крайне необходимая для настоящего воздушного бойца.

По этой причине русские пилоты хорошо проявляли себя в коллективе, но терялись, действуя в одиночку» [3, с. 139].

С другой стороны, в немецких мемуарах и аналитических записках неоднократно отмечалась смекалка, свойственная русскому солдату. Так, уже не раз цитируемый Гюнтер Блюментрит вспоминал: «Русские были неистощимы в различных выдумках. Например, кавалерийские дивизии часто сопровождалась пехотой на санях. Сани привязывались веревками к седлам кавалеристов. Странно было видеть, как в ясную лунную ночь передвигались по снегу длинные колонны всадников, за каждым из которых ехал на санках пехотинец» [10, с. 107]. Другой случай приводится в записках танкиста Вилли Фейя при описании боев на Украине осенью 1943 г.: «Поначалу мы были озадачены тем, как русским удавалось обеспечить снабжение войск в таком объеме по «выжженной земле», где были уничтожены все мосты, автомобильные и железные дороги. Лишь со временем данные разведки помогли ответить на этот вопрос. Оказалось, что русские доставляли припасы через Днепр по подводным мостам, построенным на 20 сантиметров ниже уровня воды. Немецкой авиаразведке долго не удавалось их обнаружить!» [36, с. 53]. Генерал Люфтваффе Швабедиссен вынужден был признать: «Такие национальные черты русских, как упорство, стойкость, бережливость и особенно послушание, вместе с безжалостными тоталитарными методами управления со стороны государства, заложили хорошие основы для подготовки авиационного персонала. Широко распространенное в те годы мнение о том, что у русских очень мало, если не сказать – совсем нет, технических способностей, было опровергнуто. Правдой оказалось совершенно противоположное» [3, с. 9]. И добавлял: «Русские оказались необычайно искусны в технической импровизации. Они очень быстро разобрались в технических особенностях трофейной техники и, например, применяли немецкие авиабомбы с превосходными результатами» [3, с. 327–328].

Победе Красной армии в войне, согласно Ф.В. фон Меллентину, способствовала жесткая тоталитарная система, сложившаяся в СССР. По его словам, руководство комиссаров, этих «отважных, умных и решительных людей», воспитало у русского солдата то, что у него отсутствовало в 1-й Мировой войне – железную дисциплину, которую не выдержала бы никакая другая армия мира и которая стала одной из причин побед РККА [1, с. 356].

Если теперь подвести итоги и обобщить данные немецких мемуаров и аналитических материалов, то в целом вырисовывается следующая картина. Красная армия и ее становой хребет – русский солдат – зарекомендовали себя в глазах немцев как крайне опасный противник, хотя и не лишенный некоторых недостатков, которые особенно заметно проявлялись в начале войны. Практически все немецкие солдаты, офицеры и генералы сходятся в оценке ряда сильных и слабых сторон советского бойца. По их свидетельству, ему свойственна крайняя неприхотливость и выносливость, мужество и смекалка. Но чем же были обусловлены эти качества? Здесь следует уточнить, что такие свойства советских солдат (о которых неоднократно упоминали немецкие военные аналитики), как близость к природе, неприхотливость и выносливость объяснялись тем, что главным источником пополнения Красной армии была деревня, где подобные качества были вопросом элементарного выживания. Это касалось также издревле присущей русскому крестьянину психологии общинности и коллективизма (всячески поощряемому советскими властями), что выражалось в слабости самоконтроля и индивидуального самосознания, порождая недостаток личной инициативы и самостоятельности. Отсюда проистекала необходимость в жесткой дисциплине и руководстве, которые были призваны поддерживать советские командиры и политруки (неслучайно по количеству офицерского корпуса РККА превосходила другие армии мира). Кроме того, поскольку основная масса соединений Красной армии формировалась за счет деревенских жителей, среди них зачастую ощущался недостаток образования и умения обращаться со сложной техникой (впрочем, этот изъян успешно преодолевался в ходе войны). В результате многим советским солдатам и младшим командирам порой доставало выучки, инициативы в бою, очень часто они действовали по шаблону, чрезмерно зависели от не всегда умелого руководства со стороны старших офицеров и командования.

Учитывая неизбежную субъективность мнения противника, его выводы, тем не менее, необходимо иметь в виду при подготовке солдат современной российской армии. Следует всячески ориентировать их на проявление личной инициативы в боевой обстановке, всемерно совершенствовать выучку и особое внимание уделить повышению качества офицерского

корпуса, поскольку боеспособность российской армии (при недостатке солдатской инициативы) всегда напрямую зависела от этого фактора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Меллентин Ф.В.** Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. СПб., М., 1998.
2. **Эйке Миддельдорф.** Русская кампания: тактика и вооружение. СПб., 1999.
3. **Швабедиссен В.** Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941–1945 гг. Мн., 2002.
4. **Зенгер Ф. фон.** Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940–1945. М., 2003.
5. **Пабст Гельмут.** Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941 – 1943. М., 2004.
6. **Кноблаух К.** Кровавый кошмар Восточного фронта. Откровения офицера парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг». М., 2010.
7. **Франц Гальдер.** Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). М., 2010.
8. **Ханс-Ульрих Рудель.** Пилот пикировщика // Бомбы сброшены!: Сборник. М., 2002.
9. **Типпельскирх К.** Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах Второй мировой войны // Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. Итоги Второй Мировой войны. Выводы победителей. СПб., 1998.
10. **Блюментритт Г.** Московская битва // Роковые решения. М., 1958, с.64-113.
11. **Гот Г.** Танковые операции. М., 1961.
12. **Исаев А.В.** Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005.
13. **Гудериан Г.** Воспоминания солдата. Смоленск, 1999.
14. **Герман Гейер.** IX Армейский корпус в восточном походе 1941 года // От Буга до Кавказа: Пер. с немецкого. М., 2004.
15. **Никулин Н.Н.** Воспоминания о войне. – 2-е изд. СПб., 2008.
16. **Драбкин А.В.** А мы с тобой, брат, из пехоты. «Из адов ад». М., 2012.
17. **Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.** Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010.
18. **Бидерман Г.** В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941 – 1945. М., 2005.
19. **От Буга до Кавказа:** Пер. с немецкого. М., 2004. Приложение III. Документы.
20. **Федор фон Бок.** Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941 – 1945 гг. М., 2006.
21. **Эберхард фон Макензен.** От Буга до Кавказа. III танковый корпус в кампании против Советской России 1941 – 1942 годов // От Буга до Кавказа: Пер. с немецкого. М., 2004.

22. **Кубек В.** В авангарде танковых ударов. Фронтовой дневник стрелка разведывательной бронемашины. М., 2010.
23. **Кариус Отто.** «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. М., 2004.
24. **Першанин В.Н.** «Смертное поле». «Окопная правда» Великой Отечественной. М., 2008.
25. **Кноке Хайнц.** Я летал для фюрера. Дневник офицера люфтваффе. 1939 – 1945. М., 2003.
26. **Люк Ханс фон.** На острие танкового клина. Воспоминания офицера вермахта 1939 – 1945. М., 2006.
27. **Рендулич Л., Рунштедт Г. и др.** Провал блицкрига. Почему Вермахт не взял Москву? М., 2012.
28. **Дирих В.** Бомбардировочная эскадра «Эдельвейс». История немецкого военно-воздушного соединения. М., 2005.
29. **Цейтцлер К.** Сталинградская битва // Роковые решения. М., 1958.
30. **Эрих фон Манштейн.** Утерянные победы. Ростов н/Д., 1999.
31. **Дёрр Г.** Поход на Сталинград. М., 1957.
32. **Вюстер В.** В аду Сталинграда. Кровавый кошмар Вермахта. М., 2010.
33. **Рефельд Г.Г.** В ад с «Великой Германией». М., 2010.
34. **Сайер Ги.** Последний солдат Третьего рейха. М., 2002.
35. **Цвайгер Алоис, Нойенбуш Хельмут.** Кровавое безумие Восточного фронта. М., 2009.
36. **Фей В.** Танковые сражения войск СС. М., 2009.
37. **Штикельмайер К.** Откровения немецкого истребителя танков. М., 2011.
38. **Вольфзангер В.** Беспощадная бойня Восточного фронта. М., 2010.
39. **Бухнер А.** 10 Сталинских ударов глазами немцев. М., 2009.
40. **Гудериан Г.** Опыт войны с Россией // Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. Итоги Второй Мировой войны. Выводы побежденных. СПб., 1998.